

Адель Хайд

**Вторая жизнь
доктора Лейлы**

istai

Москва
2025

УДК (82-312.9)
ББК (84.4)
X15

Хайд А.

X15 Вторая жизнь доктора Лейлы / Адель Хайд — М: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2025. — 412 с.

ISBN 978-5-517-13186-7

Лейла прожила долгую счастливую жизнь и жалела только об одном, что не может больше лечить, подводило зрение. Умирая, подумала: «Вот бы ещё...» и... открыла глаза в другом мире. Бедность, грязь, болезни, но теперь внутри юного тела другая душа, которая сможет всё это изменить. Вот только надо разобраться с одним делом...

ISBN 978-5-517-13186-7

© А. Хайд, 2025
© RUGRAM, 2025
© Т8 Издательские технологии, 2025

Пролог

«Снова сон», — подумала я, открыв глаза. Во сне я вскакивала с кровати и бежала в больницу, глаза мои видели всё даже без очков, ноги переставлялись быстро, руки были твёрдыми.

Но реальность была безжалостна: на самом деле я уже «старая развалина». Спасибо всевышним силам, и так прожила столько, что некоторым и не снилось, и работать перестала только год назад, когда уже даже через лупу не смогла разглядеть глазки своего маленького пациента.

Сегодня у меня очередной сто четвёртый день рождения. Сколько всего сделано. Есть чем гордиться. Но сколько всего ещё можно было сделать, столько малышей ещё нуждаются в моей помощи. Так жалко, что уже нет сил...

Сухая старушка, которую все в мире знали под именем доктор Лейла, вздохнула и, словно бы обращаясь к кому-то, прошептала: «Вот бы ещё...»

И в этом мире это были её последние слова и последний вздох.

Глава 1

«Снова сон», — подумала я, открыв глаза и не узнав собственную комнату.

В моей комнате было большое окно и всегда было светло. На потолке висела большая люстра, сделанная из разноцветного стекла. А здесь темно, какой-то серый потолок, на котором висит лампа на проводе, испуская тусклый свет.

Я решила встать, и неожиданно мне это удалось очень легко, как будто все мышцы снова стали сильными и упругими. С удивлением посмотрела на ноги, обтянутые длинной серой рубашкой. Вот ещё странность, давно такой рубашки из грубой ткани не носила, может, только в юности.

Приподняла рубашку: ноги под ней были гладкие, с молодой кожей, а не дряблые, с синими следами вен.

Посмотрела на руки. Руки тоже были не мои. Нет, управляла ими совершенно точно я — но откуда у меня, древней старушенции старше века, такая молодая и упругая кожа? Пощупала лицо. Это совершенно точно не я.

Накатила паника. А вдруг я утратила разум, и теперь мне кажется, что я молоденькая девушка? Это был мой самый большой страх — лишиться ума. Сколько моих подружек переставали узнавать своих родных, начиная жить в каком-то своём мире.

Вдруг за дверью раздались шаги.

Дверь без стука отворилась, и я легла, притворившись, что сплю. Судя по шагам, вошла женщина. Подошла к кровати и склонилась надо мной. Я слегка приоткрыла глаза, надеясь, что в полумраке комнаты это будет незаметно.

Женщина положила мне руку на лоб. И я решилась. Открыла глаза и в упор на неё посмотрела. Женщина от неожиданности отпрянула, но быстро пришла в себя и спросила:

— Лейла, как ты себя чувствуешь?

Я попыталась ответить, но горло было словно склеенное. Мой врачебный мозг сразу начал «исследовать» симптомы: «Такое впечатление, что был отёк гортани, аллергическая реакция».

В конце концов откашлявшись, мне удалось прохрипеть:

— Не очень. А что произошло? Я не помню, что было вчера.

Женщина всё таким же участливо-фальшивым голосом произнесла:

— Ну как же, Лейла? Сегодня тебе исполняется восемнадцать лет, и теперь ты уже не можешь оставаться в приюте. Тебе придётся уйти. Но ты же помнишь, что вчера приходила мадам Лестар и предлагала тебе работу?

«Что-то мне всё это не нравится, — подумала я. — Приют, судя по всему, сиротский, какая-то мадам Лестар, и работа...»

А вслух спросила:

— А что за работа?

— Ну как же? Работа в её доме. Там и платья тебе пошьют красивые, и жильём обеспечат. Скоро зима, на учёбу в санитарки уже не принимают, только весной сможешь пойти. А до весны же надо ещё дожить, — продолжала расписывать мои плачевные перспективы женщина.

Мне показалось, что она не уйдёт, пока я не соглашусь.

— Я подумаю, мадам, дайте мне немного времени — я соберусь.

Лицо женщины из сочувственного стало жёстким, и она уже совсем другим тоном произнесла:

— Ну-ну, думай. Думаешь, мадам Лестар каждой такое предложение делает? Как бы не так! Вон Стелла слишком много себе позволяла, и её мадам Лестар к себе не взяла, как бы та ни просила. В общем, Лейла, собирайся, после обеда тебя здесь уже не должно быть.

Мадам вышла, оставив меня одну. И почти сразу же дверь снова приоткрылась, но на сей раз пришедший старался очень осторожно просочиться — так, чтобы его или её не заметили.

Это была худенькая девушка. Увидев, что я не сплю, а сижу на кровати, свесив ноги, она быстро дошагала до меня и запрыгнула рядом, обняв.

— Ах, Лейла, ну почему мне только семнадцать? Я хотела бы уйти отсюда вместе с тобой. Поклянись, что через год ты заберёшь меня.

Потом девушка взглянула на меня и испуганно спросила:

— Ты чего, Лейла? Что сказала тебе эта старая жаба, мадам Вонючка?

Я улыбнулась — настолько непосредственной и милой была эта девочка.

— Почему мадам Вонючка?

— Ну вот, опять ты всех защищаешь, Лейла! Нельзя быть такой доброй! А не то все вонючки будут на тебе ездить. — Девочка тоже улыбнулась, потом посерьёзнела и уже совсем другим тоном спросила: — Лейла, с тобой что-то не так, и голос хрипит. Ты не заболела?

Я подумала, что было бы неплохо расспросить девочку, а то мне пока много непонятно, и сказала:

— Я не пойму, что со мной. Еле проснулась, ничего толком не помню, что вчера было, мадам... — здесь у меня был только один вариант, — Вонючка говорит, что вчера я разговаривала с какой-то мадам Лестар, а я вообще не помню. Мысли путаются, и голова какая-то тяжёлая.

Девочка испуганно на меня посмотрела, глаза её наполнились слезами. Она снова меня обняла и зашептала:

— Лейлочка, только не иди к мадам Лестар. Помнишь, мы же мечтали, что ты станешь доктором, заберёшь меня, и мы вместе будем работать в больнице, накопим денег, купим себе дом. Ты же обещала, что Лейла и Тина — мы навсегда как сёстры, пусть даже и не родные.

Она посмотрела на меня и с отчаянием в голосе произнесла:

— Ты же ничего не подписала вчера?

Мне стало не по себе, но, по крайней мере, теперь я знала имя «своей» подруги:

— Я не помню, Тина.

— Я уверена, — сказала Тина, — что мадам Вонючка тебе что-то подлила. Так уже было с Настой, помнишь? Мы с тобой ещё удивились, почему она вдруг поменяла решение и, вместо того чтобы пойти вышивальщицей в Модный дом, где её уже ждали, подписала контракт с мадам Лестар.

Вдруг Тина подпрыгнула и почти вскричала, но вовремя прикрыла рот ладонями:

— У... ра!

Я с удивлением посмотрела на неё

— Ты не могла ничего подписать! — заявила Тина, пританцовывая от переполняющих её эмоций.

— Почему ты так думаешь? — спросила я, улыбаясь, потому что, как бы мне сейчас ни было страшно, или непонятно, или непривычно, глядя на эту девочку со светлыми пушистыми воло-

сами, которые, словно одуванчик, окружали немного бледное личико, просто невозможно было не улыбаться.

— Потому что такие бумаги пописывают в присутствии нота-риуса, а ты не могла ничего пописать, пока тебе не стукнуло восемнадцать. А восемнадцать тебе только сегодня, — подробно и деловито объяснила мне Тина.

Потом снова подпрыгнула:

— Ой! Я же забыла, у меня для тебя подарок!

Тина вытащила из кармана маленькую коробочку, явно склеенную вручную из плотной бумаги, и протянула мне со словами:

— С днём рождения, Лейла.

Я взяла коробочку, потрясла: внутри что-то постукивало.

— Открывай! — Тина не отличалась большим терпением.

Я открыла. В коробочке лежала... монета.

— Это тебе, — торжественно произнесла Тина.

Я не знала достоинства этой монеты, но мне вдруг стало так приятно, что теперь у меня глаза увлажнились, и я от души обняла подругу.

— Спасибо тебе, Тина. Обещаю: через год я обязательно тебя заберу, только ты тоже ничего не подписывай, пожалуйста.

Вдруг дверь распахнулась, и в комнату снова вошла мадам... Вонючка.

Увидев Тину, зашипела:

— Что ты здесь делаешь? Почему не на построении, Тина Лавель?

Тина сразу вытянулась, сделала книксен, склонила голову, не забыв при этом стрельнуть в меня заговорщицким взглядом:

— Простите меня, мадам... Стинк, уже бегу, просто зашла поздравить Лейлу.

«Ага, — подумала я, — значит, мадам Стинк».

Тина выскочила за дверь, а мадам Стинк уставилась на меня.

— Ну? Что ты решила? — спросила она, и мне показалось, что делает это мадам Стинг с нажимом, будто пытаясь запрограммировать меня на ответ.

«Вот же гадина какая! — подумала я. — Удивишься теперь, когда в теле девочки старая опытная циничная бабка».

А вслух сказала, поразившись, как тяжело мне пока говорить:

— Конечно, мадам Стинк, я решила.

Мадам тут же поджала губы, а я немного откашлялась и, округлив глаза, спросила:

— А нотариус уже прибыл?

Теперь настало время откашливаться мадам.

— Нет, он после обеда приедет, — как будто нехотя произнесла мадам Стинк и развернулась, чтобы выйти из комнаты. Но притормозила возле двери и как-то мстительно произнесла: — Так что к обеду освободи комнату, на неё уже очередь. И сразу после обеда я жду тебя у себя в кабинете.

И вышла.

А я осталась думать, что же мне делать.

Конечно, никакой договор ни с какой мадам я подписывать не собиралась. Но догадывалась, что мне положены какие-то «выходные» деньги. И я намеревалась задать этот вопрос нотариусу. Который, скорее всего, приезжает оформлять документы для выпускника приюта.

А девочку, скорее всего, вчера опоили, и у неё, судя по отёку гортани, случилась аллергическая реакция. Слова до сих пор давались с трудом. Надо бы, конечно, по выходе из этой богадельни определить, на что у меня аллергия.

После ухода мадам Вонючки я встала, осмотрелась. Пожелала, что мадам отослала Тину. Кто мне расскажет, где здесь что находится? Но жизненный опыт — самая ценная вещь после здоровья, и я довольно быстро со всем разобралась.

Вещей у меня было немного, всё уместилось в небольшой потёртый чемоданчик. Я подумала, что у девочки обязательно должен быть какой-нибудь тайник. И стала искать.

Простучала все стены, со всех сторон осмотрела небольшой деревянный столик, проверила несколько книжек, которые рядом стояли на столе. Всё безуспешно. Потом вспомнила, что наиболее часто для тайников используются различные углубления в полу. Стала простукивать и... нашла.

Пол был выложен короткой паркетной доской, и под одной из дощечек явно слышалась пустота.

Поискала, чем бы подковырнуть, нашла старые, полностью металлические ножницы, вспомнила, что когда-то давно у меня тоже такие были.

Под дощечкой обнаружилась небольшая, вручную сшитая из листов тетрадь, в которую были вложены потрёпанная карта и маленький кошелек. В кошельке было около пяти монет. Такую же монетку мне подарила Тина. Её я тоже положила в кошелек.

Убрала тетрадку и кошелек во внутренний карман серого, из грубой шерстяной ткани платья, которое надела, обнаружив его в шкафу.

Нашла маленькое зеркальце, попробовала себя рассмотреть. Показалось, что похожа на себя в молодости. Вроде бы светлые волосы, светлая кожа, голубые глаза. В маленькое зеркальце было сложно увидеть весь образ. Но я порадовалась: а ведь могла бы вот так вот очнуться кем-то ещё.

И самой стало весело. Вдруг поняла, что снова живу, снова молода, а то, что снова впереди трудности, так теперь у меня есть преимущество в виде знаний и опыта.

Пока время было, решила почитать найденную тетрадку и карту. Порадовало, что и читать я тоже могла. Было полное ощущение, что это тот же самый язык, на котором я разговаривала всю жизнь.

Это, как я и предполагала, был дневник. В нём девочка записывала свои мечты и мысли. Девочка хотела стать врачом и мечтала лечить детей. На карте были отмечены точки. Я сопоставила с теми адресами, что были на карте, и поняла, что это были больницы.

«Спасибо, Лейла», — мысленно поблагодарила я несчастную девочку.

Я подумала, что обязательно исполню её мечту, потому что лечить детей — это именно то, что я умею делать лучше всего. Там же были написаны адреса больниц, и напротив каждой стоял либо плюс, либо минус.

Я предположила, что Лейла готовилась покинуть приют и уже начала подбирать себе работу.

На последней странице был адрес, напротив которого было написано, что одна ночь стоит две кроны.

«Кроны? Неужели так здесь называются деньги? — подумала я. — Хорошо, если так, в этом случае я быстро разберусь в достоинстве монет». А по поводу адреса я решила, что это,

вероятно, какой-то пансион, в котором Лейла планировала жить.

Часов у меня не было, и поэтому я, захватив с собой чемоданчик, пошла искать место, где здесь обедают. Есть мне совершенно не хотелось, да и горло ещё немного болело, но я знала, что неизвестно, когда мне в следующий раз удастся поесть, и поэтому решила использовать шанс на последний обед в приюте.

Пока шла, навстречу попадались девочки разных возрастов в таких же серых платьях, что было на мне. Многие улыбались и поздравляли. Откуда-то выскочила Тина:

– Лейла, куда ты идёшь? Я думала, что ты будешь на обеде.

– Я и хочу на обед, просто мадам Стинк попросила освободить комнату, вот я и собралась, – ответила Тине

– Тогда пошли, – улыбнулась Тина.

Обед проходил в большом светлом зале, в котором были большие прямоугольные окна, и я увидела, что сейчас лето, потому что деревья стояли зелёные, но было пасмурно, хотя дождя не было.

В зале стояло несколько длинных столов, за которыми рассаживались девушки с подносами в руках.

Тина подтащила меня к одному из столов, под который я поставила чемоданчик, и мы пошли к раздаче.

На обед полагались тарелка похлёбки, какая-то запеканка и стакан с напитком. Всё было съедобно, хотя белка, конечно, было маловато.

Девушки были разных возрастов, некоторые смотрели на меня так, словно мы никогда не общались, но три девушки подошли и присели к нам с Тиной.

– После обеда уходишь? – спросила одна из них.

Я кивнула.

– Всё-таки решила попытать счастья в больницах? Смелая ты. А если заболеешь? Говорят, что там иногда бывают заразные больные, – спросила невысокая рыженькая девушка со смешными веснушками на лице.

А третья, которая всё это время молчала, вдруг как-то с отчаяньем в голосе сказала: